

Королев К.М.

Думаю как язычник: мировоззрение асатру

В 1967 году австрийский социолог-конструктивист Питер Бергер опубликовал книгу «Священная завеса» – по замечанию В. Смолкин, «одно из самых фундаментальных обоснований теории секуляризации» [Смолкин 2021:]. Бергер утверждал, что «будущее религии где бы то ни было будет во многом формироваться <...> секуляризацией» [Бергер 2019: 190], и это убеждение разделяли в 1960-е годы и позже представители общественных наук Северной Америки и Европы по обе стороны «железного занавеса».

Однако спустя тридцать лет Бергеру пришлось признать, что «предположение, будто мы живем в секуляризованном мире, оказалось ложным... Сегодняшний мир неистово религиозен ничуть не меньше, чем ранее» [Berger 1999: 2-3]. К тому времени стало очевидным, что «торжество секулярности» (Х. Казанова) было мнимым, и даже неоспоримая приватизация религиозности, зримое вытеснение религиозных символов и практик из публичной сферы в область частной жизни, было не более чем внешним признаком очередного переосмысления воображаемых границ секулярного и сакрального, по Т. Асаду (см. Asad 2003, Casanova 2008). Ближе к концу XX столетия в общественных науках закрепилось представление о десекуляризации коллективного воображения как одной из существенных черт современного общества [Hadden 1987, Engelke 2012], которое Ю. Хабермас обозначил как «постсекулярное» [Habermas 2008: 17].

К проявлениям постсекулярной «новой религиозности» [Taylor 2007] следует отнести, на наш взгляд, и заметное развитие того явления, которое в современных социальных науках принято, за неимением более удачного и точного обозначения, называть современным язычеством. Под современным язычеством, или неоязычеством, понимается совокупность (ре)конструируемых мировоззренческих и обрядовых практик, альтернативных и оппозиционных официальным (прежде всего авраамическим) религиям, направленных на «возрождение» и распространение в обществе «исконной», как правило, этнической / национальной либо некоей «общей доисторической» веры [Шиженский 2023: , Королев 2025а:]. Все эти практики, с одной стороны, безусловно религиозны, если руководствоваться толкованием религии как духовного поиска¹, личного и коллективного, а также, с другой стороны, стали возможными и относительно массовыми² только в современную постсекулярную эпоху, после кризиса традиционной религиозности в XX столетии.

Среди многочисленных направлений современного язычества выделяются по своему охвату и популярности в мире прежде всего викка, вероучение синкретическое и отчасти эклектическое³, и язычество германо-скандинавское, или асатру (букв. «верность асам», т. е. богам)⁴. В настоящей статье мы сосредоточимся именно на последнем направлении, поскольку оно, в отличие от викки, видится до известной степени

¹ О понятии «религия» и различных его истолкованиям, в том числе о религии как «духовности» см. [Штырков 2021], а также [Valentine 2002]. [Carrete, King 2011].

² В США количество язычников превышает 1,5 млн человек [Pew RC 2014]; в Великобритании, по данным переписи 2021 г., их более 74 000 человек (https://www.nomisweb.co.uk/sources/census_2021); в России, по осторожной оценке К. Айтамурто, язычников-родноверов «десятки тысяч», а всего язычников значительно больше [Aitamurto 2016: 62-63] Дж. Калико оценивает численность язычников всех направлений в США в первые десятилетия XXI века в диапазоне от 9000 («ревностные язычники») до 20 000 («мягкие язычники») человек [Calico 2018: 12-15]. Приблизительную статистику по России от отечественных исследователей см. в работе Д. В. Громова [Громов].

³ О викке см., например, [Панин 2016], [Hutton 2019].

⁴ Применительно к России и странам Восточной Европы нужно упомянуть еще о таком новорелигиозном движении, как славянское родноверие; см. [Бесков 2019], [Шиженский 2021], [Королев 2025а] и др.

гомогенным [Schnurbein 2016:] и одновременно «наднациональным», локальным и одновременно трансграничным, ритуализированным, но одновременно и лишенным общего культа, а потому может, следовательно, рассматриваться как образец новой постсекулярной религиозности и претендовать на статус одной из полноценных религий нашего времени.

Что значит быть язычником в современном мире? Как новоязыческие взгляды совмещаются с современной, преимущественно рационалистической картиной мироздания? На какие основания опираются новое язычество в целом и асатру в частности, особенно в тех обществах, которые являются формально чуждыми этому вероучению по этнической принадлежности верующих? Каковы «вероизложение» асатру и мировоззрение его сторонников? Ответы на эти вопросы мы и попытаемся дать в настоящей статье.

Краткая история асатру

Романтическое германское язычество второй половины XIX столетия, возросшее на спекуляциях вокруг «тевтонского наследия»⁵ и охватившее значительную часть Западной Европы, в период перед Второй мировой войной сильно политизировалось под влиянием нацистской идеологии. После войны это язычество оказалось фактически под негласным запретом – как запятнанное нацизмом, однако стремление восстановить «северную веру» не иссякало; фокус внимания к духовным поискам Северной традиции сместился в Скандинавию, где одна за другой возникали прото-языческие общины⁶, а затем в Соединенные Штаты Америки.

В 1950 году в Исландии сложилась творческая группа, называвшая себя «Ньяльссинна» – «Наследие Ньяля», по названию сборника «Ньяль» за авторством исландского геолога, теософа и спиритиста Хельги Пьетурсса (1872–1949); сам он называл свое учение «астробиологией». По мнению Пьетурсса, считавшего духов, которые «общались» с медиумами на спиритических сеансах, обитателями других планет, северные боги-асы пришли на Землю с далеких звезд и превратились среди людей в духовных лидеров и «учителей» – в особенности же они покровительствовали исландцам. Выходец из этой общины Т. Гудьонссон был знаком с исландским крестьянским поэтом С. Бейнтейнссоном; в 1972 году они вместе с несколькими другими единомышленниками учредили кружок под названием «Асатруарменн» – букв. «Люди, верные асам». Из этого кружка чуть позже выросла исландская новоязыческая община «Братство асатру».

В Америке в 1970 году С. Макналлен и Р. Стайн основали организацию под названием «Братство викингов». Как позднее признавался сам Макналлен, будущие американские викинги «вдруг осознали, что библейский Бог – кровавый тиран, а его последователи – добровольные рабы, зато в книгах превозносятся героизм и стойкость северных народов, которыми можно только восхищаться» [Runestone 1983: 14-15]. В манифесте новой организации сообщалось: «Мы посвящаем себя сохранению, распространению и отправлению северной религии в том виде, в каком она сложилась к эпохе викингов, и намерены отстаивать такие этические ценности, как доблесть, индивидуализм и свобода, важнейшие для викингов» (там же, 13).

⁵ О движении фелькиш и других попытках «возродить веру предков» в Германии и других странах Западной Европы в те годы см., например, [Гальцин 2019:], [Poewe 1999 LINGEN].

⁶ Первоначально это были своего рода кружки по интересам, объединявшие тех интеллектуалов, которые изучали народную культуру и задумывались о ее положении в современном мире, а позднее многие такие кружки оформились в новоязыческие общины – «Брейдаблик» в Швеции [1975], «Биврест» в Норвегии (1982), «Хирд Одина» в Дании (середина 1980-х) и др. См. [Rountree 2015], [Schnurbein 2016]. [Strmiska 2000 WIK].

Когда асатру в Исландии в 1973 году было официально признано религией, американское «Братство викингов» сменило название на «Свободную ассамблею асатру». В 1990-х годах это движение разделилось на «Народное собрание асатру» под руководством того же С. Макналлена, и на более радикальный «Альянс асатру» Майкла Дж. Мюррея (или «Вальгарда» Мюррея); кроме того, из Ассамблеи выделилось движение «Кольцо трот» (букв. «Кольцо верности»), во главе которого стоял известный американский оккультист и теоретик «духовного прозрения» Эдред Торссон (настоящее имя Стивен Флауэрс), считавший «веру предков» верой условно единой социально-культурной общности, именуемой «древней Германией» или «Индогерманией».

Во многом современное асатру в Америке и в Европе, в том числе и в России, опирается именно на вероучение «Кольца трот»⁷. Но все же эта «экспортированная» версия вероучения встретила и продолжает встречать на Европейском континенте немалое сопротивление: в ней видят «универсалистские фантазии» и синтез различных религий, лишь «декорированный» именами северных божеств⁸. Именно поэтому на севере Европы ближе к концу XX столетия начало складываться в рамках «общего» асатру религиозное движение, получившее впоследствии общее название «Старый путь», или «Старый обычай» («Форн сед»). Приверженцы Старого пути выступают за следование локальным этнографическим практикам почитания северных богов и отвергают «американскую веру, пропитанную магией» [Dijk 2017: 27].

В России асатру воспринимается по большей части (ПМА) как нечто цельное, как общая «северная вера»⁹.

Насколько такое смешение понятий правомерно – вопрос, побуждающий изучить и сопоставить между собой манифесты перечисленных «подразделений» асатру ради выявления сходств и расхождений (если таковые обнаружатся) в изложении доктрины этого современного вероучения.

«Вероизложение» асатру и его составляющие

Если в христианстве, из которого современное европейско-американское язычество фактически выросло [Adler 1986: 22-40] и которому оно себя наиболее активно противопоставляет (или с которым вынуждено наиболее активно конфликтовать, ввиду религиозного и политического ригоризма христианского духовенства, [Harvey 2011: 205-222]), имеется общепринятый символ веры – кодифицированный и институционализированный свод догматов вероучения, то в альтернативных вероисповеданиях, нередко объединяемых под зонтичным обозначением «неоязычество»¹⁰, единый «символ веры» отсутствует.

Полевые наблюдения за новоязыческими практиками и дискурсивный анализ новоязыческих публикаций показывают, во-первых, что каждое направление современного язычества, будь то викка, асатру или славянское родноверие, к примеру, стремится разрабатывать собственный набор идеологем¹¹; во-вторых, что внутри каждого

⁷ Ср.: «Бесценным сокровищем казались материалы зарубежных практиков СТ [северной традиции. – К. К.], особенно нынешней книги Our Troth, опубликованные на сайте американской организации The Troth»; интервью Сигвальда Годи (Е. Салтыкова) паблику «Германское язычество» в 2015 г.: https://m.vk.com/wall-60877211_8651, дата обращения 08.11.2025.

⁸ Ср., к примеру, замечание датского язычника С. Фискера: «Это не американская штука... Они в Америке, думаю, плохо понимают, каково настоящее асатру» [Schnurbein 2016: 85].

⁹ Подробнее о «Старом пути» см. [Королев 2025а:].

¹⁰ Об этом термине, его содержании и других вариантах обозначения см. [Гайдуков 2000], [Королев 2025а:].

¹¹ Безусловно, сравнительный дискурсивный анализ обнажит немало точек пересечения в декларируемых разными направлениями нового язычества принципах и ценностях, однако каждое направление при этом старательно подчеркивает свою идеологическую уникальность; см. [Aitamurto, Simpson 2013: 12-13].

направления присутствуют значительные расхождения в составе и трактовках этого набора, как между коллективным (общины) их пониманием, так и на индивидуальном уровне [Anzcyk, Malita-Krol 2017: 7-10]; в-третьих, что при очевидном стремлении к догматизации таких вероучений со стороны лидеров ряда общин каждого направления (там же, 12) налицо не менее очевидное общественное сопротивление верующих утверждению догматики, в которой усматривают «дурное влияние» отвергаемого христианства¹².

Вдобавок в альтернативных вероисповеданиях нет и однозначного священного текста, подобного Библии или Корану. Современные язычники поэтому ведут своеобразный диалог с прошлым через изучение доступных литературных, исторических, других научных и даже паранаучных источников, вычлняя из этого многообразия те сведения, которые им самим представляются значимыми для конструирования вероучительского комплекса «живой религии». Если рассматривать конкретно асатру, такими источниками служат, прежде всего, мифологические песни «Старшей Эдды», «Младшая Эдда» С. Стурлусона, исландские и норвежские саги и скальдическая поэзия, а также англосаксонские («Беовульф»), древнеанглийские и средневековые немецкие сочинения и хроники, наряду с описаниями археологических находок и лингвистическими исследованиями. Как следствие, интерпретация столь разнородных сведений нередко оказывается чрезвычайно субъективной, и наборы религиозных принципов, разделяемых конкретной общиной или важных для конкретного асатруа (приверженца асатру), могут радикально различаться¹³.

Учитывая перечисленные особенности альтернативных вероисповеданий, едва ли можно ожидать появления в каком-либо из крупных новоязыческих направлений сколь-нибудь обобщенного свода религиозных принципов, хотя бы отдаленно сходного с христианским символом веры, и к асатру данное утверждение применимо, как кажется, в полной мере. Тем не менее, как уже отмечалось, в случае асатру мы располагаем несколькими прецедентными текстами – за авторством духовных лидеров локальных общин в Европе, США и России, – в которых излагаются основы (ново)языческого миропонимания. Изучение и сопоставление этих текстов позволит, на наш взгляд, составить более или менее цельное представление о том, каковы цели и ценности (basics and values) этого современного религиозного движения, – и выявить в них, если удастся, то общее, что и составляет «вероизложение» асатру.

Начало: исландское асатру

Современные язычники – фактически любого направления – склонны легитимизировать собственные вероучения ссылками на «непрерывность традиции» и ее преемственность [Anzcyk 2017: 184-185]. Если абстрагироваться от этих утверждений, тем более что они, как правило, редко соответствуют истине (там же), то применительно к асатру корректным будет начать анализ мировоззрения сторонников этого религиозного движения с первой группы асатруа – с воззрений тех двенадцати человек, что влились в ряды «Братства асатру» в 1970-х годах.

¹² Ср.: «Читайте разные книги, проводите исследования, заглядывайте в собственное сердце в поисках религиозных и духовных истин... Нам всем присуще стойкое стремление к единению, и это хорошо, но все же каждый сам для себя решает, что лично привлекает его в том или ином вероучении... Каждый самостоятельно выбирает, во что верить, в широких границах вероучения как такового» [Smith 2003: 5]. Ср. также: «[Христианство] поддерживало крайние формы социальной стратификации, в том числе рабство, и подавляло индивидуальную мысль... Наши боги вовсе не жаждут подчинять: они дают шанс... свободно настаивать на своем, использовать дары жизни, разума и собственной силы» [Gundarsson 1993: 5].

¹³ Это верно и для ритуальных практик, а также для обрядового календаря.

Публичным лицом и верховным годи этой организации на протяжении двадцати лет был, до кончины в 1993 г., С. Бейнтенссон, которому наследовали во главе общины его многолетний соратник Й. И. Хансен, а затем – музыкант-язычник Х. Э. Хильмарссон. Обратимся к «программным» заявлениям этих трех верховных жрецов исландского асатру, чтобы оценить, какими принципами они руководствовались в своей религиозной практике.

С. Бейнтенссон в середине 1980-х годов дал развернутое интервью немецкой исследовательнице Г. Грайхен [Graichen 1986: 256-269]. Он признавался, что с детства «интересовался старыми богами, жадно слушал саги и предания», хотя «всегда ощущал довольно тесную связь с христианством» (с. 258). Мысль о том, что «пора восстановить древнюю веру», пришла ему зимой 1972 года, а непосредственным поводом к действиям послужило, по его словам, «нашествие чужих сект» (с. 261, имелись в виду новые протестантские деноминации, увлеченные прозелитизмом). По Бейнтенссону, «древняя вера» даже после крещения продолжала бытовать в Исландии «под спудом целую тысячу лет: люди верили в природу и природный опыт, в существ, населяющих природу... их, возможно, почитали и как предков» (с. 263). Когда же исландский народ обрел свободу вероисповедания (1874, новая конституция страны), «древняя вера» стала возвращаться в публичное поле, хотя и «потребовалось некоторое время, чтобы осела пыль от краха прежней системы [религиозного угнетения]» (с. 259).

«Древняя вера» для Бейнтенссона была неразрывно связана с природным и культурным наследием страны: «Очень важно, что природа, наша многовековая история и наш язык тесно взаимосвязаны... Мы часто шутим, что должны общаться на том же самом прекрасном языке, на котором говорил Один» (с. 268). Вера, уточнял он в автобиографической книге 1992 года, «дает возможность развиваться и совершенствоваться, без нее мы не можем быть полезными обществу» [Beinteinsson og Gunnarsdóttir 1992: 183]. Эти высказывания свидетельствуют, как представляется, что для первого верховного годи исповедание асатру предполагало поклонение природе и национальному наследию, то есть обладало признаками не столько религиозного, сколько экологического и националистического движения¹⁴.

Преемник Бейнтенссона, Йормундур Хансен, привнес в первоначальное понимание асатру – по всей видимости, вдохновляясь собственными духовными исканиями¹⁵ – элемент дуалистической теологии, а также этическое содержание, – он рассуждал о северных богах как силах природы и заявлял, что все происходящее в мире определяется противоборством двух сил – созидательной силы, воплощенной в божествах-асах, и силы разрушительной, олицетворяемой «демонами»-йотунами. Поклоняться северным богам и исповедовать асатру означало, по его мнению, «осознавать эту двойную схему и сознательно выбирать сторону богов», «жить в гармонии с природой, проявлять уважение и соблюдать социальные нормы» [Hansen 1992: 4].

¹⁴ О националистическом («гомогенном») элементе в исландском асатру см. [Strmiska 2000], [Strmiska 2005: 163-165]: «Асатру возникло... из желания заново напитать духовной энергией не вызывавшее споров национальное культурное наследие» [2005: 164]. При этом, как отмечают исследователи, ближе к рубежу XXI столетия подобные воззрения отчасти утратили общественную поддержку: «Среди исландцев растет стремление воспринять себя как добропорядочных европейцев <...> отчего они все чаще обращают внимание на влияние средневековой христианской церкви, этого Евросоюза средневековья, <...> и соглашаются, считать себя европейской христианской нацией, возвращенной в европейской церковной культуре. Дохристианские традиции, восхваляемые асатру, рассматриваются как раздражающие анахронизмы и потому отвергаются» [Strmiska 2000: 111]. Тем не менее, по данным официального исландского статистического сайта «Hagstofa Islands» (<https://px.hagstofa.is/pxis/pxweb/is/>), на 2025 год количество последователей асатру в Исландии составило около 3 процентов населения страны.

¹⁵ См. об этом Swatos. Gissurarson 2018.

Нынешний верховный жрец (с 2003 г.) Хильмар Хильмарссон отказался от дуалистической теологии в пользу монизма: «Высшая сила проявляет себя в разнообразии природы и повседневной жизни, в обилии тех могущественных фигур, которые мы воспринимаем как богов, и в нашем распределении функций между ними» [Hilmarsson 2003: B3]. В остальном же он следовал и следует примеру предшественников, заявляя, что настоящий асатруа должен почитать природу, ценить национальное культурное наследие («Когда наши соотечественники эмигрировали в Новый Свет, они брали с собой Эдды и саги» [Hilmarsson 2011]) и соблюдать нехитрые этические правила, близкие десяти библейским заповедям, но с поправкой на политеизм.

По замечанию М. Стрмиски, исландское асатру с самого своего появления на свет оставалось замкнутым на себе, на богатейшей литературной и фольклорной традиции Исландии, и потому оказалось подходящим выбором для известной части этнически и культурно гомогенного исландского общества¹⁶. Оно не задавалось и по сей день не задается вопросами, болезненными для других ветвей асатру, – например, для кого эта религия, кто правомочен ее исповедовать, должна ли она быть локальной или универалистской. Иными словами, исландское асатру было и остается религией, которая, по большому счету, не нуждается в изощренном «символе веры» – достаточно просто быть исландцем, любить свою природу и свое наследие, о чем и говорят последовательно верховные жрецы.

Совсем иначе складывалась ситуация за океаном.

Девять доблестей: асатру в Америке

В США становление асатру происходило в период контркультурных исканий 1960-х и 1970-х годов, причем европейское влияние на это процесс было малозаметным¹⁷. Скорее, можно говорить о том, что в Америке возродился «одинизм» 1930-х годов – радикалистское учение А. Р. Милса¹⁸, больше политическое, нежели религиозное, когда-то очень популярное, а теперь извлеченное из недолгого забвения. Почти не приходится сомневаться в том, что «арийско-скандинавские» воззрения Миллса и его единомышленников оказали влияние на первых асатруа Америки – С. Макналлена, Р. Стайна, М. «Вальгарда» Мюррея [Strmiska 2005: 134-136].

Сам Макналлен, впрочем, утверждал, что «пришел к северным богам» после продолжительных духовных метаний: «Я отверг католицизм, который противоречил моим основным убеждениям, перепробовал множество других вероисповеданий, изучал викку, заглядывал в труды Кроули, но внутри ничто не отзывалось. А потом я набрел на роман о викингах; книга оказалась не слишком интересной, однако викинги меня как разбудили... Словно что-то, во что я верил, сам о том не подозревая, спало внутри и вдруг проснулось» (цит. по [Adler 1986: 285]).

К романтизируемому образу викингов, существующему в современной массовой культуре, как стимулу исповедовать асатру или хотя бы следовать «северному пути» мы еще вернемся ниже, а здесь отметим лишь, что «нордическая традиция», как ее понимали и реконструировали – больше, наверное, все-таки конструировали – первые

¹⁶ О противостоянии асатру и официальной Исландской церкви см. Magnusson 1990.

¹⁷ По словам основателя «Братства викингов» С. Макналлена, близкое по времени и независимое друг от друга учреждение «северных» религиозных групп в США и Европе (Исландия, Великобритания) объяснялось «порывом нужного ветра в кроне Мирового древа» (цит. по [Adler 1986: 286]).

¹⁸ О Милсе и одинизме см., например, [Королев 2025а:]. В Америке идеи Миллса развивала в 1960-х годах Э. Кристенсен, основательница движения «Содружество Одина», издававшая журнал «Одинист», который, по замечанию М. Адлера, был «откровенно расистским» [Adler 1986: 282], и ратовавшая за «арийскую религию, арийскую свободу, арийскую культуру, арийское сознание и арийскую целеустремленность» (там же).

американские асатруа, впоследствии широко разошлась по миру именно в своем американском «изводе».

В брошюре «Что такое асатру» (1985) Макналлен попытался дать общее определение «северной веры», ранее излагавшееся фрагментарно на страницах новоязыческого журнала «Runestone»: «Мы верим во всеприсутствие божественной энергии или сущности, которая обыкновенно скрыта от людей, потому что люди не в силах ее заметить и осознать. Мы верим, что духовная реальность неразрывно взаимосвязана с реальностью повседневной, что мы воздействуем на нее, а она воздействует на нас. Мы верим, что подспудная божественность проявляет себя в фигурах богов и богинь, а повествования об этих божествах составляют своего рода свод заповедей, и божественная реальность говорит с нами на таинственном языке этих заповедей. Мы верим в нормы поведения, соответствующие этим духовным истинам и гармонично сочетающиеся с нашими глубинными убеждениями» [McNallen 1985: 3]. Если обратиться к когнитивному объяснению религии, выдвинутому П. Буайе [Boyer 1994], можно сказать, что Макналлен допускал наличие некой «интуитивной» склонности к следованию «северным ценностям», тоже постигаемым интуитивно, среди потенциальных и фактических приверженцев новой веры.

Также Макналлен подчеркивал, что асатру – политеистическая религия и в ней нет понятия первородного греха, а потому верующие в северных богов не нуждаются в спасении.

Фигуры германо-скандинавских божеств постепенно сделались в американском асатру¹⁹ олицетворениями конкретных доблестей и добродетелей: Один – воплощение мудрости и мистических озарений, Тор – воплощение мужества и силы, Фриг символизирует женскую интуицию, Фрейя воплощает сексуальность и женскую силу, и так далее. На основании мифологических сюжетов «Старшей Эдды», связанных с этими божествами, и через произвольную интерпретацию исландских и норвежских саг, откуда черпались сведения о повседневной жизни древних скандинавов, лидеры американского асатру разрабатывали календарную обрядность²⁰ – и последовательно конструировали набор принципов, значимых для всякого настоящего асатруа. Этот набор принципов стал со временем известен как «девять благородных истин» асатру (Nine Noble Virtues, NNV) и считается сегодня – по крайней мере, в Америке и среди некоторой части последователей – своеобразным «символом веры» этой религии.

Нельзя исключать того обстоятельства, что количество истин в этом списке было установлено не эмпирически, а принудительно-символически – как бы в противовес десяти христианским заповедям и восьмеричному пути к совершенству в буддизме (само обозначение набора истин, кстати говоря, предполагает опосредованную переключку с буддизмом и его восемь благородными истинами). Кроме того, как утверждает [Strmiska 2005: 145], девятка – священное число германо-скандинавской мифологии: мировое древо Иггдрасиль пронизывает девять миров, Один ради обретения мудрости девять ночей провисел на ветвях этого древа, страж богов Хеймдалль – сын девяти матерей, Тор совершает девять шагов, прежде чем пасть мертвым после поединка с чудовищным змеем Йормунгандом в конце времен... Перед нами наглядный образец современного культурного конструирования с опорой на доступные литературные источники и общий религиозный опыт.

Известны два варианта списка истин асатру. По версии С. Макналлена, девять истин таковы: сила, мужество, радость [жизни], честь, свобода, верность роду, реализм, рвение

¹⁹ Вообще современное американское язычество этнического толка (асатру, кельтский друидизм, отдельные формы викки и др.) «крайне теоцентрично» [Calico 2018: 268].

²⁰ О календаре асатру см. Королев 2025b.

и почитание предков [Mcnallen 1985: 5]; в антологии материалов из журнала «Runestone» те же принципы сформулированы более развернуто – и как бы предваряют некоторые «заветы» пастафарианства, или Церкви летающего макаронного монстра: «Честь лучше бесчестья», «Свобода лучше рабства», «Радость лучше вины» [Mcnallen 1989: 13] (о заповедях пастафарианства см. Королев 2025а:). По версии синкретического религиозного движения «Трот», вобравшего в себя немало элементов викки и других альтернативных вероучений, к числу девяти истин принадлежат храбрость, правда, честь, верность, дисциплина, радушие, трудолюбие, ответственность и настойчивость²¹. Эта версия восходит к «кодексу девяти обетов», составленным еще в 1970-е годы британскими новоязычниками-единистами, лидерами общины «Одинический обряд» Дж. Йовеллом и Дж. Гиббсом-Бейли (Heimgest 2011: 3; о «кодексе» см., например, Snook 2015: 70-72), причем на официальном сайте движения «Трот» сообщается, что девять истин никаких нельзя считать «древним сводом правил поведения воинов-викингов – кто-то (! – К. К.) составил этот свод в середине XX столетия».

Бросается в глаза, что для Макналлена – быть может, из-за неявного наследования единизму А. Р. Миллса – принципиальное значение имеют «голос крови» и этническая идентичность, тогда как для движения «Трот» важнее некие обобщенные нормы, в некоторой степени сходные с протестантской трудовой этикой²².

Далеко не все американские асатруа разделяют эти ценности – точнее, далеко не все согласны следовать данному набору правил, хотя ценности, в нем провозглашаемые, сами по себе одобряются и принимаются. Во-первых, как писал в своей «Тевтонской религии» К. Гундарссон (С. Гранди), «нам не нужны вожди и пророки, заменяющие личную совесть, и мы избегаем установленных кем-либо законов» [Gundarsson 1993: 6]. В асатру декларируются отсутствие догматики и децентрализация, поэтому даже набор этических норм порой воспринимается как посягательство теоретиков и идеологов на основы вероисповедания. Во-вторых, даже те, кто поначалу принял список девяти истин, в любой его версии, со временем пришли к выводу, что «от него больше вреда, чем пользы» [Smith 2003b: 26-27]. Этот список представляется им неуклюжей попыткой «вместить невместимое» (там же), поскольку для каждой добродетели имеется множество толкований, и они призывают не увлекаться «упрощающими схемами, чтобы не выхолостить суть веры» (там же).

Один из наиболее заметных идеологов современного американского асатруа и последовательный критик схемы девяти благородных добродетелей, лидер довольно крупной общины М. Дж. Смит, в 2003 году предложил собственный вариант «вероизложения» этой религии. По его мнению, в распоряжении верующих имеется некий общий свод из четырех правил, позволяющий определить настоящего асатруа (см. Smith 2003a: 7). Такой человек, прежде всего, верит в асов и ванов – основных богов германо-скандинавской традиции; он почитает этих богов и богинь посредством участия в обрядах или сам проводит эти обряды; он помнит и чтит предков, в том числе богов

²¹ В «Книге трот» (1989) основатель этого движения Э. Торссон (настоящее имя С. Флауэрс) приводил список из 6 добродетелей – справедливость, мудрость, могущество, плодородие, стойкость и любовь (Thorsson 1989: 115). Перечень истин на сайте движения «Трот»: <https://thetroth.org/en/resource/the-nine-noble-virtues/>, дата обращения 05.11.2025.

²² Еще существует и применяется на практике так называемый «кодекс девяти правил асов», составленный, как считается, Э. Кристенсен, последовательницей А. Р. Миллса; она утверждала, что нашла перечень девяти добродетелей выбитым в камне посреди какой-то пещеры в Дании, но подтверждений этому не нашлось. По Кристенсен, девять добродетелей асов таковы – честь, опора и защита, процветание, знание, развитие (изменчивость), справедливость, взаимовыгодность (баланс), дисциплина, готовность к конфликтам. В современной культуре этот набор этических правил нередко выдается за «кодекс викингов». Подробнее см. Kaplan 1996, Gardell 2003: 258-284.

(также заявляется, что «дети – предки пожилых», то есть вводится идея реинкарнации, упоминания о которой якобы встречаются в сагах и в «Младшей Эдде»; там же, с. 24); наконец он всемерно отстаивает личную – собственную – честь и привержен понятию справедливого поступка. Последний трактуется как «верная жизнь в религии действия и репутации» (с. 37), а вместо четкого свода этических правил верующему предлагается «хорошенько задуматься, что такое добро и зло, как жить и ладить с другими людьми и как нести ответственность» (с. 38).

Правда, всего через год, в следующей книге, Смит возвратился к схеме девяти истин, отказавшись от самого этого названия и наполнив схему новыми содержанием [Smith 2004: 9-11]. Обновленные девять истин сохраняли частичную преемственность с прежними схемами, однако во многом учитывали реалии новейшего времени и репрезентировали асатру как «живую религию». Начиналась схема Смита с происхождения и кровного родства, которые следовало изучать и передавать другим. Далее асатруа предлагалось воссоздавать или создавать с нуля «языческую германскую традицию и народные обряды», отвергать «поп-культуру», этот «маркетинговый и рекламный инструмент корпоративных конгломератов», лишенный всякой связи с традицией; способствовать развитию языческой литературы и искусства, отказываться от коммерциализма потребительской идеологии, осознанно использовать языческие установки в повседневной жизни, бдительно отслеживать любые проникновения «чуждых» идеологий и бороться с ними, помогать в первую очередь собратьями-язычникам, а не просто всем «ближним», и наконец самостоятельно обучать своих детей, не доверяя каким-либо школам и наставникам.

Вместе четыре правила и девять этических принципов Смита образуют сегодняшнее «вероизложение» американского асатру – во всяком случае, для той части его последователей, которая задумывается над содержанием веры и старается его развивать, а не только копирует – из любопытства, поддавшись моде на «Север», о чем речь впереди, или даже искренне желая примкнуть к движению – внешнюю сторону [Calico 2018: 450-480] или даже остается в добровольном плену идей «белого превосходства», свойственных раннему американскому асатру [Snook 2015: 15-25, 140-171]. Девять благородных истин от С. Макналлена и движения «Трот» утратили, насколько можно судить, свое «верообразующее» значение для основной массы последователей (там же, 70-72), да и сама вера значительно изменилась, если сравнивать исповедание асатру сегодня и пятьдесят лет назад. Впрочем, современные исследователи не перестают отмечать, что сегодняшнее асатру в Америке чрезвычайно разнообразно, ему присуща, по выражению Дж. Калико, «удивительная разнородность практик», обусловленная обилием культурных влияний: «Каждый асатруа по отдельности и каждая группа опираются на собственные представления, собственные источники и собственные практики, отчего мы наблюдаем удивительные и причудливые формы религиозного плюрализма в вопросах расы, пола, класса и самой сути этой религии» [Calico 2018: 481].

Старые ценности, новые взгляды: асатру в Европе

Исландское асатру, получившее в 1973 г. статус официальной религии, постепенно распространилось на другие европейские страны, прежде всего скандинавские, где идея «исконной» веры легла на плодородную почву сбережения национального культурного наследия²³. Однако общее представление о том, что такое асатру и как следует верить в северных богов, складывалось все-таки больше под американским влиянием –

²³ В Швеции с середины 1970-х гг. действовала языческая гильдия «Брейдаблик», в Норвегии в 1982 г. была основана община «Биврест», в Дании с середины 1980-х гг. вела публичную деятельность новоязыческая община «Хирд Одина». Подробнее см. [Schurbein 2016: 62-70].

американских асатруа было существенно больше, чем европейских²⁴, о них регулярно писала пресса, и в целом они были гораздо заметнее в публичном пространстве. Собственно, благодаря им новое вероучение, которое в Западной Европе продолжало восприниматься во многом как религиозный курьез, превратилось в «корпорацию Asatru International» [Schnurbein 2016: 77-80, Mankey 2014] и стало экспортироваться по всему миру, в том числе в Старый Свет.

Отношение европейских новоязычников к американизированной «вере предков» было как минимум неоднозначным. Как заявлял датский язычник С. Фискер, «далеко не всем понятно, что такое на самом деле асатру. Скажу без обиняков – это не американская штука. Пусть к ним в свое время съехался чуть ли не весь земной шар, они в Америке, думаю, плохо понимают, каково настоящее асатру» (там же, 85). Для европейцев американская версия асатру, особенно в доктрине движения «Трот», была сильно «обезображена» всевозможными сторонними веяниями, от учений нью-эйдж до викки и «прочих универсалистских фантазий», как выразился исландский верховный годи Х. Хильмарссон [Hilmarsson 2011]. В результате все чаще звучали голоса, призывавшие развивать на европейском Севере «подлинное», «беспримесное» асатру. Как следствие, в новом скандинавском язычестве со временем выделилось религиозное движение, получившее общее название «Старый путь» (Forn sed).

В Швеции от местной ассоциации асатру, приверженной американской версии вероучения, довольно быстро отделились «Сеть Старого пути» и «Северное кольцо» (позднее «Северное сообщество», а затем «Сообщество Старого пути»). Обе группы нашли достаточное число сторонников для того, чтобы считаться заметными религиозными «блотлагами» (обрядовыми сообществами); кроме того, их поддерживал Шведский языческий фронт – местное отделение правой политической организации «Всегерманский языческий фронт». Все перечисленные группы ратовали за строгое следование локальной этнографической традиции, в том числе заявляли, что чтить северных богов вправе только те, в ком есть хотя бы капля северной крови; в «старой вере», или Старом пути, избавленном от «дурного американского влияния», они видели единственно возможное для европейцев мировоззрение. Тех же взглядов придерживается в целом и Сообщество нордического пути (с 1997 г.), но оно склонно к крайностям – его участники не причисляют себя к асатруа, считают все современное язычество «романтической реконструкцией» и уверены, что только Сообщество «блюдет многовековую непрерывную северную традицию» (подробнее см. Gregorius 2015).

В Норвегии в 1993 г. известный рокер Варг Викернес учредил «Норвежский языческий фронт», а чуть позже появились общины «Вигрид» и «Норвежское сообщество Старого пути». Они отвергали американское асатру как вероучение, «пропитанное магией». Те норвежские музыкальные группы, которые, собственно, и привнесли в современную музыку жанр «языческий металл» (pagan metal), явно испытывают влияние Старого пути²⁵ – тексты песен посвящены северным богам, викингам и воинской славе, в них обыгрываются «нордические» мифологические и фольклорные сюжеты, а в музыкальной стилистике порой проскальзывают «северные» народные мотивы (подробнее см. Asprem 2008, Nygaard 2022).

²⁴ В Европе новых язычников насчитывалось несколько десятков человек, тогда как в Америке, по замечанию Дж. Каплана, «их были сотни» [Kaplan 1996: 198]. Правда, Каплан не приводит подробной статистики, и трудно понять, кого он, собственно, относил к язычникам и на каких основаниях.

²⁵ Ср.: «Норвежские общины разделяют наши цели, но они почему-то все тяготеют к правому экстремизму... А эти норвежские рокеры и металлисты! Они искренне считают Оззи Осборна сатанистом и думают, будто поджечь деревянную сельскую церковь – такие церкви, между прочим, ближе всего к древним ховам (храмам. – К. К.) – деяние, достойное истинного язычника» [Hilmarsson 2011].

В Дании «американское вторжение» породило схожую реакцию, и в 1997 г. была учреждена национальная община Старого пути. Известная просто как «Старый путь», эта община пользуется широкой общественной поддержкой как организация, которая заботится о национальном культурном и религиозном наследии, что записано в ее уставе. В 2003 г. «Старый путь» официально признали в Дании религиозным сообществом. Кроме того, в стране ведет деятельность просветительское по своим целям «Сообщество асатру», тоже отстаивающее европейские воззрения на северную религиозность (подробнее см. Amster 2015).

В Великобритании, где американское асатру и американская викка получили наиболее широкое распространение – скорее всего, ввиду близости языка и культуры, – Старый путь почти незаметен. По словам одного из лидеров местного новоязыческого сообщества Питера Дженнинга, «британские язычники считают себя составной частью широкого неоязыческого движения, в котором асатру занимает равное положение с виккой и кельтскими группами» [Jennings 2002: 79-80]. При этом в стране имеется община «Крона Иггдрасиля» (с 2001 г.), которая чтит северных богов по «старому обычаю», но с очевидным влиянием доктрин учения «Трот», и радикальный «Одинический обряд», тяготеющий к классическому политическому единизму А. Р. Миллса (подробнее см. Johnson 2018, Rudgley 2018).

Наконец в Германии реакцией на американское асатру стало появление таких новоязыческих групп, как «Норнирс этт» («Родичи норн») и «Эльдаринг» (буквально. «Круг огненных»). Первая группа все-таки довольно близка по воззрениям к американским язычникам – она проповедует локальный вариант «общечеловеческой религии», но «Эльдаринг», бывшее немецкое отделение американского движения «Трот», ставит в центр своей деятельности заботу о «германском наследии» (подробнее см. Krebel 2014, Hegner 2015).

В чем состоит принципиальное отличие Старого пути от американской версии асатру? Как явствует из приведенного выше краткого обзора становления и развития Старого пути в Европе, европейское асатру можно определить как «традиционалистское» вероучение: декларируется, что оно опирается на локальное знание и локальные традиции, в отличие от «глобализированного», то есть американского, асатру [Schnurbein 2016: 105-106]. В сторону последнего нередко выдвигаются упреки в «реконструкционизме», под которым понимается хобсбаумовское изобретение традиций и практик, тогда как последователи Старого пути, по их словам, лишь воспроизводят «вековые» локальные обряды, зафиксированные в этнографической литературе (там же). Нагляднее всего различие в подходах двух направлений отражает, как кажется, обрядовый календарь: в календарных схемах «традиционалистов» количество праздничных дней и распределение праздников по датам связано с местным фольклором, с документированными народными обычаями (преимущественно XIX и XVIII столетий), а «реконструкционисты» обращаются к литературным источникам, выстраивают универсальные календарные структуры, произвольно выбирают дни празднований и не чужаются пополнять свои календари присвоенными гражданскими праздниками наших дней – например, «днем Вали» (сын Одина, бог мести) вместо популярного в современной культуре дня святого Валентина²⁶.

С точки зрения «вероизложения» Старый путь – не столько религия, сколько образ жизни, следование «пути предков», то есть этнографически описанным сельским обычаям. Эти обычаи укоренены, согласно учению Старого пути, в дохристианской «нордической культуре», предполагавшей, среди прочего, почитание природы и богов в

²⁶ О механизмах присвоения праздников и трактовках новоязыческого календаря см. Королев 2025b, Nordberg 2006, Billington 2008.

природе как многообразия природных сил, гармоничное сожительство с природой и глубокое постижение себя; Старый путь – «не догматическая религия, которая сосредоточена на необходимости верить во что-либо, а живые взаимоотношения с богами, с природой и со всем, что свято и активно, не теория, а практика» (немецкий новоязычник Ф. Штайнбок, цит. по [Schnurbein 2016: 106]). Локальная северная культура признается органической частью такого образа жизни и фактически эссенциализируется: «Древние обычаи являлись частью народной культуры, которая развивалась естественным образом и не регулировалась никакими официальными институтами» [Sveriges Asatrosamfund 2008: 3]. Быть язычником Старого пути – значит соблюдать исконные «народные» – при всей условности этого определения, добавим мы, – обычаи, «проживать» местную культуру и, цитируя того же Ф. Штайнбока, «практиковать язычество, отправлять обряды – традиционное ядро языческой жизни» [Schnurbein 2016: 106]²⁷.

Своя чужая вера: асатру в России

В прессе, публицистике и даже в научных исследованиях понятия «асатру», «трот» и «единизм» порой трактуются как синонимы – как разные обозначения альтернативного вероисповедания, связанного с почитанием северных, германо-скандинавских богов (см., например, Schnurbein 2016: 9-11, 88-91). Если такое смешение понятий наблюдается и в тех обществах, где это вероисповедание возникло или возобновилось, то нет ничего удивительного в том, что путаница практически постоянно возникает в «чуждых» обществах, для которых асатру является заимствованной религией.

Это замечание вполне применимо к российскому асатру, которое развивается приблизительно с середины 1990-х годов²⁸. В «Настольной книге единиста» (2021) ведущий, пожалуй, российский теоретик Северной традиции Аск Сварте (Евгений Нечкасов) бескомпромиссно заявляет, что слова «единизм», «асатру» и «трот» могут использоваться как синонимы, а германо-скандинавская традиция есть традиция единизма [Ask Svarte 2021: 13]. В более раннем манифесте русскоязычного асатру (2010) об единизме не упоминается, но между асатру и трот ставится знак равенства: «Название асатру происходит из древнесеверного языка и буквально означает “вера в асов”». Существует и другое название — трот, и оно представляется более корректным в силу того, что пантеон асатру, кроме асов, включает в себя множество других божественных сущностей²⁹. Тем не менее, асатру — наиболее распространенное название» (Манифест 2010). В «Основах вероучения асатру» (2013) слова «асатру» и «трот» употребляются взаимозаменяемо (Основы 2013), а Е. Нечкасов, использовавший этот текст в своей книге, добавляет, что слово «единизм» является «более современным именем германо-скандинавской традиции» [Ask Svarte 2021: 15]. Если судить по многочисленным

²⁷ См. [Gregorius 2015] и [Amster 2015] о сходных воззрениях сторонников Старого пути в Швеции и Дании, а также [Dijk 2017] об особенностях исповедания Старого пути, «удивительного гибрида прошлого и настоящего», в Исландии XXI века.

²⁸ О становлении российского асатру см., например, мнение бывшего главы петербургской общины асатру и руководителя КИР «Рагнар» Сигвальда Годи (Е. Салтыкова, 2015 г.): https://m.vk.com/wall-60877211_8651, дата обращения 08.11.2025, а также его интервью 2016 г. публику «Квесты в Выборге»: https://m.vk.com/wall-68043619_2166, дата обращения 08.11.2025.

²⁹ С конца XX столетия в рамках общей «северной веры» стало развиваться, например, в противовес асатру почитание богов-ванов – ванатру. Ваны – скандинавские божества плодородия и «духовные» боги; утверждается, что современному человеку приятнее и полезнее почитать именно ванов, а не суровых асов. По замечанию Г. Харви, ванатру «представляет собой попытку приблизиться к подлинной природной духовности» [Harvey 2007: 53]. Также могут почитаться йотуны, или турсы, – демонические, то есть злонамеренные божественные силы скаандинавскаой мифологии; см. об этом, к примеру, Calico 2018: 295-296.

отечественным сетевым ресурсам, посвященным «северной вере», это понимание вообще характерно для российского северного язычества.

В данном случае нас интересуют не столько терминологические нюансы³⁰, сколько репрезентируемый ими факт апроприации «иноземной» религии – апроприации вплоть до полного, насколько можно судить по полевым интервью (ПМА), присвоения и осознания этой религии как своей «исконной». Информанты говорят, что «на Руси издавна поклонялись северным богам», что «наша северная природа сама подталкивает чтить северных богов», что северные боги наконец – «это наши боги, по крайней мере, на Северо-Западе [России]». Такая религиозно-историческая романтизация условного Севера характерна не только для части практикующих российских новоязычников, которые между славянским родноверием – казалось бы, логичным предпочтением в силу «голоса крови» – и германо-скандинавским асатру делают осознанный выбор в пользу последнего, но и для тех, кто занимается «живой историей», то есть исторической реконструкцией³¹.

Присваивая чужую веру, российские язычники-асатруа подвергают ее естественной интерпретации в попытках совместить чужое и свое³². Но эта интерпретация затрагивает не вероисповедные, а, скорее, внешние стороны религии: в частности, в России не принято отмечать те многочисленные дополнительные праздники, которыми пестрят календари американских общин асатру, а все языческие манифесты обязательно содержат упоминание о том, что религия не поддерживает какие-либо политические движения и не пропагандирует политических взглядов, ее сторонники не ведут политической деятельности. Тема «белого превосходства», до сих пор значимая на Западе в восприятии асатру, на российской почве отвергается как несущественная и порочная; более того, в российском асатру снимается вопрос, по сей день вызывающий споры в асатру оригинальном, европейском и американском³³: кто может быть последователем этой религии – тот, в ком есть хотя бы капля «северной» крови или любой желающий? Согласно «Основам вероучения асатру», верными (tru, то есть верными северным богам) становятся «только на основании собственного решения». Перефразируя, можно сказать, что для российского асатру важна не кровь, а дух, – «дух Севера».

Что касается изложения веры, здесь российские асатруа, судя по интервью, опубликованным манифестам и книге Е. Нечкасова, воспроизводят почти дословно

³⁰ На наш взгляд, единизм и асатру – не синонимы, это два разных вероучения. Старый путь «традиционалистов» ближе именно к единизму: его последователи ставят на первое место этнические / национальные ценности, тогда как «общее» асатру стремится возродить некую «древнюю веру» и даже «древнюю магию». При этом многие язычники и исследователи, как уже отмечалось, трактуют единизм как политическое, крайне правое и даже экстремистское общественное движение.

³¹ Ср., например, рассуждения по этому поводу отечественного репконструктора, руководителя «этнопарка живой истории» в Ленинградской области: https://youtu.be/9T_xTMAinn0, дата обращения 08.11.2025.

³² Ср. мнение Сигвальда Годи: «Я характеризую свою религиозную деятельность как возрождение древней веры в условиях современности. <...> Я хочу оставаться современным человеком и верить в древних богов так, как мне представляется комфортным и правильным с точки зрения наследования древней традиции, на основании изученной информации. В процессе возрождения древней религии я допускаю вещи, ужасные с точки зрения исторической реконструкции, а именно комбинирование элементов разных регионов, эпох, и по большому счету разных культур... даже использование элементов-версий, не имеющих культурно-исторического обоснования, в том числе из современной жизни. Из всего этого я формирую собирательный образ, который называю дохристианской германо-скандинавской религиозной традицией, или просто асатру... Я стараюсь понять (в том числе с помощью исторической реконструкции) что чувствовали и как думали древние и как религиозная часть их мировоззрения может быть реализована в современном обществе без потери смысловой и мистической, если угодно, связи с древней верой». // Интервью Сигвальда Годи (Е. Салтыкова) паблику «Германское язычество» в 2015 г.: https://m.vk.com/wall-60877211_8651, дата обращения 08.11.2025.

³³ Дж. Калико в своей работе посвящает целую главу рассмотрению взглядов американских асатруа на «метагеноетику» и «голос крови» в исповедании веры; см. Calico 2018: 173-190.

манифест движения «Трот», доступный на сайте движения и в книге «Наш трот» [Gundarsson 1993]³⁴. Главные заповеди асатру таковы – мы верим в богов («наших северных богов»); мы чтим богов (но не служим им³⁵), предков и природу; мы признаем жизнь после смерти, но не считаем ее идеалом, к которому нужно стремиться; мы живем ответственно и достойно – не ради богов, но ради себя; еще мы верим в судьбу и удачу [Askar Svarte 2021: 20-32]. Судьба – предопределенность жизни, которой суждено начаться и закончиться, но прожить ее можно по-разному, а под удачей понимается нечто вроде индуистской – «ведической» – кармы: нужно постоянно подтверждать свое положение и развитие благими делами, предосудительные же поступки тормозят личное развитие и вредят «мировой гармонии»³⁶.

Уточняется – опять-таки, в полном соответствии с манифестом западного «Трот», – что религия асатру не имеет священных книг. Она использует литературные источники (обе «Эдды» и саги), но те не рассматриваются как боговдохновенные, применяются лишь «для постижения древнего мировоззрения»; с той же целью асатруа обращаются к «другим элементам традиции» (! – К. К.), к которым относятся «археологические, культурологические, исторические и прочие данные» (Манифест 2010).

Подчеркивается, что в асатру «практически отсутствуют догмы и каноны», или, как сказано в материале на сайте западного «Трот», «в северном язычестве нет никакой ортодоксии»³⁷. Такое декларируемое разнообразие форм вероисповедания как будто намекает, что искать единое «вероизложение» российского асатру бессмысленно, однако при этом заявляется все же, что «существует общая картина традиции и ее основные принципы» (Манифест 2010), следовательно, некие рамки мировоззрения последователям асатру все-таки задаются – хотя бы имплицитно, посредством артикулируемых или даже непроговариваемых конвенций³⁸.

Одна из таких конвенций, довольно популярная вне собственно языческой среды, гласит, что асатру есть религия викингов – в лучшем случае, религия «эпохи викингов». Это утверждение, которое на сайте движения «Трот», кстати говоря, опровергается как широко распространенное и живучее заблуждение, побуждает задуматься над возможными реальными причинами непреходящей «моды на асатру», цитируя Дж. Мэнки [Mankey 2014], в современном обществе, как западном, так и российском.

Викинги, асатру и массовая культура

³⁴ Ср.: «Богословских текстов по асатру почти нет, особенно на русском языке». // Блок вопросов и ответов на странице общины «Годорд Скидбладнир» в социальной сети Вконтакте, https://vk.com/topic-36249846_29100642, дата обращения 07.11.2025). Там же всем интересующимся советуют читать книгу «Наш трот».

³⁵ Сходные воззрения свойственны и славянским родноверам; см., например, [Велеслав 2022: 26]. Признается нечто наподобие «договора» между людьми и богами, подкрепляемого исполнением обрядов, вследствие чего понятия «вера» и «верность» оказываются фактически тождественными [Askar Svarte 2021: 23]. Боги – одновременно внешние «сущности» и стороны человеческой личности, а духовный путь асатруа есть «воплощение собственной божественности», в согласии с богом-покровителем (там же, 24).

³⁶ Язык (идиолект) подобных рассуждений очень близок идиолекту духовного движения нью-эйдж, из которого современное язычество, и российское в том числе, черпает многие понятия в рамках общей потемодернистской и постсоветской оккультуры, по К. Партриджу [Partridge 2004: 4], хотя и отказывается это признавать; см. Панченко 2010, Chryssides 2007.

³⁷ См. The basic beliefs of Ásatrú, Heathenry and Norse Paganism: <https://thetroth.org/resources/beliefs/>, дата обращения 07.11.2025.

³⁸ Ср.: «Мы с детства знаем из книжек, что есть такие северные боги... Мы знаем их по именам, знаем, чем они занимались, а взрослыми начинаем понимать, что эти боги – они в северной природе вокруг нас, они рядом с нами» (полевое интервью с язычником-асатруа, м., 40-, ПМА).

Постсекулярная религиозность характеризуется в том числе широким разнообразием стимулов к исповеданию современным человеком той или иной альтернативной веры. Среди прочих таким стимулом нередко оказываются артефакты массовой культуры, порождающие вокруг себя медиабум, как было, к примеру, со «Звездными войнами» Дж. Лукаса или циклом книг и фильмов о Гарри Поттере (оба этих артефакта породили соответствующие квази-религиозные культы – соответственно, джедаизм и поттерианство³⁹). Американский исследователь А. Поссамай предложил для всех подобных верований зонтичный термин «гиперреальные религии»: они гиперреальны потому, что не различают подлинную реальность и реальность «культурную» [Possamai 2012: 2]. Конечно, могут возразить, что едва ли допустимо ставить в один ряд гиперреальные джедаизм или поттерианство – и базовые новоязыческие направления, то есть асатру, викку или родноверие. Однако антропологическая оптика показывает, что эти новоязыческие направления тоже обусловлены культурой, они конструируются из этнографических и исторических, а также из разнообразных квази-научных «разысканий», бытующих в массовой культуре; следовательно, они тоже гиперреальны.

Асатру в своем развитии убедительно это подтверждает. Очень многие последователи данного вероучения – и в мире, и в России – приходят к почитанию северных богов (разумеется, тут корректнее говорить о внешних формах почитания, а не о религиозном чувстве, – но, с другой стороны, вспомним рассказ С. Макналлена о том, что он пришел к асатру, прочитав книгу о викингах), следуя распространенной в массовой культуре романтизации эпохи викингов⁴⁰. Книги, фильмы и сериалы о «доблестных мореходах, покоривших полмира» (из издательской аннотации к современному историческому роману о викингах), а также многочисленные ремесленные поделки («северный крафт» или «нордик-стайл») и скандинавский стиль языческого металла в музыке, предполагающий соответствующую атрибутику, создают целую субкультуру викингов⁴¹, в рамках которой находится место и религии, благодаря чему, как уже отмечалось, асатру в публицистике и коллективном знании маркируется как «религия викингов».

В результате асатру приписываются некие условные «ценности викингов», якобы составляющие суть мировоззрения сторонников этого вероучения [Mauea 2021: 24-25], и современных новоязычников даже обвиняют в том, что они приносят кровавые жертвы богам, подражая викингам [Gardell 2003: 265]. Сами асатруа признают, что «совершенно не обязательно наряжаться викингом, чтобы чтить богов» (из интервью Сигвальда Годи 2015 г.), но склонны кодифицировать собственные, почерпнутые из исторических источников, этнографии и массовой культуры представления об эпохе викингов как этические и религиозные нормы своего вероисповедания: выше мы обсуждали Девять благородных истин асатру и их варианты как пример подобной кодификации. Признаки гиперреальности, наблюдавшиеся в асатру, пожалуй, с той поры, как это вероучение начало (ре)конструироваться в США в 1970-х гг., в наши дни становятся все более заметными и даже определяющими, а викинги – крайне размытое обозначение, которое

³⁹ О джедаизме см. McCormick 2012, о поттерианстве O'Brien 2001.

⁴⁰ По замечанию Ф. Грегориуса, в Швеции наблюдается культурный парадокс: эпоха викингов при всей своей неоспоримой жестокости предстает в массовой культуре основой шведской идентичности, в том числе религиозной – языческой [Gregorius 2015: 66-67]; ситуацию в России отражает, в частности, высказывание Сигвальда Годи, который оценивал положение асатру в обществе изнутри движения: «Есть масс-культура, в которой популярны викинги, всяческое кино, музыка, сообщества в соцсетях и т.п. Убеждения ее последователей, как правило, не выходят за рамки использования всяческой соответствующей атрибутики» // Интервью Сигвальда Годи (Е. Салтыкова) паблику «Квесты в Выборге», 2016 г.: https://m.vk.com/wall-68043619_2166, дата обращения 08.11.2025.

⁴¹ См. об этом, например, Паулюс 2018, Kjartansdóttir 2011, Wawn 2011.

никак не уточняется, не считая неявно постулируемого тождества викингов с древними скандинавами как таковыми, – превращаются в публичном восприятии в своеобразных «отцов-основателей» религиозной традиции.

Оказывает ли этот факт какое-либо влияние на изложение веры асатру? Как представляется, «викингский след» в асатру, реальный и воображаемый, до известной степени легитимизирует эту религию как «исконную веру» и «веру предков», но в то же время все больше подменяет собственно религиозную составляющую вероучения (обобщая, «мы и наши боги») составляющей (квази-)исторической и этической, из-за чего почитание северных богов постепенно и неуклонно смещается к моральному кодексу, к личному «достойному» поведению⁴², самосовершенствованию в духе нью-эйдж, когда божества предстают всего-навсего олицетворениями или аллегориями нормативных добродетелей, а сама вера гиперболизируется и эволюционирует, цитируя одну газетную публикацию, «от северных богов к образам Marvel» [Bohinen 2024], которые репрезентируют в современной массовой культуре коллективный взгляд на мировоззрение викингов.

«Меня позвали боги»: некоторые выводы

В начале статьи мы задавались вопросом, ответ на который намеревались дать, – что значит быть язычником в современном мире? Рассмотренное выше развитие германо-скандинавского – по декларируемой опоре на соответствующую религиозно-мифологическую традицию – асатру как альтернативного религиозного вероучения позволяет, как кажется, высказать ряд соображений по этому поводу.

Говорить о некоем «общем» асатру с единым вероучительским каноном, или сводом догматов, не приходится – это вероучение имеет несколько крупных разновидностей, которые отличаются одно от другого набором принципов и ценностей.

В Исландии, где асатру зародилось, исповедание этой веры предполагает прежде всего следование установленным образцам повседневной жизни – там асатру действительно выступает как «вера предков», если понимать под такой верой традиционный, преимущественно сельский, образ жизни. Это не столько религия, сколько форма мемориализации и коммеморации исторического прошлого, форма сохранения и восстановления национального культурного наследия, поэтому исландская версия асатру представляет собой «нативистский», или «органический», вариант современного язычества, с почитанием северных богов как по-настоящему «своих», как подлинных сил исландской природы.

Другие скандинавские страны испытали сильное влияние американского асатру, которое сформировалось во многом независимо от исландского, больше как творческое развитие единства 1930-х гг., и затем разошлось по миру как «глобализированное», отчасти универсалистское вероучение. В этом американском и европейском асатру на ранней стадии преобладали радикальные политические воззрения («вера белых людей», «право крови» и т. д.), отчего многие исследователи по сей день склонны видеть в вероучении «экстремистскую платформу» [Snook 2015: 204]. Но ближе к концу XX столетия степень радикализма в асатру значительно снизилась под воздействием оккультуры этого периода (нью-эйдж, феминистическая викка, обновленческие христианские движения и др.) и социальных процессов в западных обществах. Как следствие, сегодня «американизированное» асатру в целом превратилось в синкретическое вероучение в «северной оболочке» и сосредоточилось в первую очередь на обрядовых практиках и обоснованиях «языческой этики», вполне укладывающейся в принятые общественные

⁴² Как пишет Ф. Грегориус, в викингх сегодня видят едва ли не первых «мультикультуралистов», которые закладывали основы толерантности в повседневной жизни и в религии [Gregorius 2015: 67].

нормы, а исповедание веры в нем приравнивается к личному самосовершенствованию как исполнению судьбы (вирд; там же, 59-60).

В России асатру было заимствовано с Запада в американизированном варианте духовного учения «Трот», однако довольно быстро приобрело местную специфику и сегодня во многом трактуется как «северная вера», как романтизированное представление об условной дохристианской вере, общей для всего европейского Севера, не столько даже германо-скандинавской, сколько индоевропейской. Фактически российский вариант асатру сочетает исландское «родноверие» («наши северные боги» и «наша традиция») с нынешним глобализированным и постсекулярным пониманием религии как пути личного духовного развития⁴³.

При всем разнообразии локальных интерпретаций альтернативной религиозности не подлежит сомнению, что у асатру в разных странах и культурах имеется все же нечто общее: это, безусловно, живая религия, живая вера живых людей, которая продолжает развиваться – без канонов и догматов, но с очевидным желанием ее приверженцев двигаться дальше по «тропе северной славы», которая смутно очерчивается современной массовой культурой.

⁴³ Отдельным направлением современного российского язычества может считаться, по-видимому, культ воинской доблести и воинских богов на «стыке» родноверия и асатру – в «боевых братствах» и среди язычников-одиночек. Первую попытку описать это явление предпринял Р. В. Шиженский [Шиженский 2025].